

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-2-228-236

УДК 821.161.1

ИСТОРИСОФСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. ВОЛОШИНА

Е.С. Мельников

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются историософские взгляды М.А. Волошина на пути развития России и судьбу человечества в целом. Заметный отпечаток на формирование этих взглядов наложил исторический период, в который жил сам Максимилиан Волошин. Первая мировая война, террор, большевицкая революция — все это нашло свое отражение как в поэзии, так и в публицистике автора. Не менее важно и то, что в эти годы Волошин все чаще обращается к произведениям Ф.М. Достоевского — другого мыслителя, ставившего вопрос о печальном будущем России в период революций и войн. Точки пересечения между историософскими поисками обоих мыслителей также получают детальное рассмотрение в тексте статьи.

Ключевые слова: Волошин, Достоевский, поэзия, этика, публицистика, русская революция, история, историософия

Историософские идеи всегда занимали важное место в творчестве поэта и мыслителя Максимилиана Волошина. Но хотя вопрос о пути развития русской культуры всегда оставался в центре его внимания, по-настоящему важную роль в творчестве М.А. Волошина эта проблема получила в период войн и общественных резонансов начала XX века. В эти кровопролитные годы поэтом овладело желание во что бы то ни стало постичь судьбу своей родины, выявить пути ее истории как в прошлом, так и в будущем.

Любое смутное время, по мысли поэта, связано с отрицанием религиозных устоев. Одной из удивительных особенностей мировосприятия Волошина можно с уверенностью назвать его видение истории как единого временного полотна, на котором изображены все исторические вехи и изломы. Для Волошина не существует истории как очередности вех, как строгой последовательности событий. В его глазах, каждое происшествие — не составная часть истории, но сама история.

Вполне вероятно, что выдержать годы революции ему помогло именно убеждение в предначертанности всех моментов истории. Недаром в стихотворении «Северовосток» (1920) звучат одновременно вопрос и ответ:

Нам ли весить замысел господний?
Все поймем, все вынесем любя... [5. С. 9].

Примечательно, что датировка стихотворения дополняется комментарием автора: «Перед приходом советской власти в Крым». Волошин хорошо понимал, что сегодняшний день есть не более чем отражение бесконечной цепи событий,

которые вкупе формировали текущее положение России. В восприятии М. Волошина история представляет собой своего рода зеркало, в котором отражаются сразу все значимые события прошлого. Недаром в автобиографии он признавался: «Ни война, ни революция не испугали меня и ни в чем не разочаровали... я их ожидал давно и в формах еще более жестоких» [6. С. 32].

Последнее хорошо видно из стихотворений «Деметриус-император», «Стенькин суд», «Дикое поле», «Китеж», «Святая Русь». В названных произведениях смута гражданской войны предстает не новым политическим конфликтом, но застарелой духовной болезнью, уходящей корнями в Смуту историческую.

Идея о том, что одно событие можно понять и истолковать через другое, занимает в философии автора одно из центральных мест. Так, в стихотворении «Стенькин суд» (1917) современная Волошину революция напрямую сопоставляется с бунтами Степана Разина и Емельяна Пугачёва, а также с предполагаемым самозванством монаха Григория Отрепьева. Обратим внимание: не одна только голытьба идет вместе со Стенькой Разиным — «вся великая, темная, пьяная, окаянная... Русь» сметает прежние устои, охваченная бесовским огнем революции. Это не отдельные человеческие образы, это вечные темные силы, тяготеющие над Россией. Не один за другим губят русский народ знаменитые мятежники: нет, «восставши из мертвых с мечом / Три угодника — с Гришкой Отрепьевым / Да с Емелькой придем Пугачём», — вот каково пророчество Стеньки Разина.

В глазах Волошина революционеры — такие же бесноватые, следующие темной силе, не всегда даже ощущая ее в себе. Опять же, вспоминаются слова Волошина о том, что «свойство бесов — дробление и множественность» [3. С. 82]. По мысли Волошина, за плакатными лозунгами и партийными идеалами скрывается деятельность все тех же «гергесинских бесноватых». Несмотря на разрозненность фракций, борьбу политических кредо и социальных программ, они не разрозненно, а вместе истязают Россию в этот темный, тревожный час ее жизни.

Метафорой «бесовства», или «бесовщины», под которой следует понимать святотатственно-религиозные основы политического анархизма, Волошин пользуется на протяжении большей части своего творчества. Безусловно, за долгие годы поэтической, публицистической и даже социальной деятельности автора эти взгляды претерпевают определенные изменения.

Так, статьи первого десятилетия XX века (в особенности — «Демоны разрушения и закона») наполнены образами «машинного демонизма» Европы, которому автор противопоставляет одухотворенность России. С болью и горечью он говорит о «новой государственности», ожидающей человечество уже в ближайшее время. Его прогноз: этот новый уклад «будет пронизан ритмическом трепетом сил, его породивших, которые, сбросив свои личины демонов, зримые нами, явят свои строгие божественные лики новой справедливости» [2. С. 147].

Однако позже он разовьет образ одухотворенной, «святой» Руси в одном из главных трудов своей жизни — книге «Неопалимая Купина». Здесь идеал Руси предстанет уже в двуликой форме: на смену однозначно светлому образу приходит контрастный, даже конфликтный мотив России как страны, раздираемой внутренними противоречиями. Такую Россию поэт называет одновременно «свя-

той и грешной», «богоспасаемой» и «богонаказуемой». Он возвеличивает и бесконечно любит ее — но любит «поруганной и в пыли».

Конфликт между неотъемлемой святостью Руси и ее бесовским началом становится, вероятно, фундаментальной темой стихотворения «Видение Иезекииля». Это произведение занимает особое место в творчестве автора, поскольку в нем Волошин создает метафорический образ России как невесты самого Творца. Следуя духу библейского мифа, Волошин, однако, связывает его все с тем же конфликтным образом святости и греха. В его стихотворении присутствует образ Руси как возлюбленной Господа:

В полдень лежала ты в поле нагая,
И проходил, и увидел тебя Я,
Край моих риз над тобою простер,
Обнял, омыл твою кровь, и с тех пор
Я сочетался с рабою Моею [4. С. 164].

По мысли поэта, трагедия России — в том, что взамен предназначенной ей роли она возжелала стать равной Богу, из рабыни стать госпожой и владычицей. «Упоенная славой и властью», Россия «стала распутной — ловка и хитра» [4. С. 164]. Россия утратила ту божественную любовь, которая была ей подарена. Сокровенные жар и пламя из оригинального видения она променяла на «знаки из золота и серебра» [4. С. 164].

Хотя именно в этом стихотворении образ России напрямую связывается с фигурой Божьей избранницы, потерявшей благосклонность Творца из-за собственных страстей, идея нравственного падения России встречается в творчестве Волошина неоднократно.

Так, в стихотворении «Святая Русь», созвучном по идейному ряду с «Видением Иезекииля», Россия предстает жертвой «лихих подговоров» врага (сатаны), отдавая «Власть — холопам, силу — супостатам, / Смердам — честь, изменникам — ключи»). Русь, которой некогда «Плотник-Царь» (Иисус Христос) «построил дом широко», в финале произведения превращается в «гулящую» и «во Христе юродивую Русь». Слово «гулящая» упомянуто неслучайно — именно под таким названием, «Гулящая Русь», Волошин напишет стихотворение, смысловая нагрузка которого зеркально противоположна «Святой Руси». Здесь персонифицированная Русь уже пережила свое падение:

Шлендит пьяная в ломах кумашных
Да бесстыжие песни орет.
Сквернословит, скликает напасти,
Пляшет голая — кто ей заказ?
Кажет людям срамные части,
Непотребства творит напоказ [12. С. 126].

Однако ее мятежу противопоставляется и попытка раскаяния:

А проспавшись, бьется в подклетьях,
Да ревет, завернувшись в платок,
О каких-то расстрелянных детях,
О младенцах, засоленных впрок [12. С. 126].

В стихотворении «Над законченной книгой» (1915) Волошин вступает в воображаемый диалог с Творцом, желая определить границу, за которой заканчивается человеческая воля и открывается сфера божественного начала:

Не ты ли
В минуту тоски
Швырнул на землю
Весы и меч
И дал безумным
Свободу весить
Добро и зло? [12. С. 373].

Поскольку, в соответствии с православной концепцией, ничто в этом мире не происходит без одобрения Творца, справедливым кажется вопрос, адресованный человеком Создателю. Несмотря на то, что в этом вопросе просматриваются смелые, почти хайямовские нотки (ср. «Не ты ль тому виной, что жизнь моя греховна?» (Хайям); «Не ты ли / неволил разум / принять свершенье / непостижимых / твоих путей / во всем гореньи / противоречий, / несовместимых / для человечесьей / стесненной мысли?» (Волошин)), важно понимать, что стихотворение лишено обвинительного подтекста или крамольной окраски, которую иногда усматривали в его творчестве современники. Поэт только жаждет прозрения, искренно стремится увидеть мудрость божественной воли. Неслучайно здесь использование архаичной формулировки, заимствованной из «Апокалисиса»: ср. «Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя» (Иоанн Богослов) и «Не ты ли / смесил народы... / и топчешь, грозный, / грозды людские / в точиле гнева?» (Волошин).

Эти идеи также получили свое развитие в публицистике М. Волошина. В статье «Пророки и мстители» поэт сопоставляет слова Ф.М. Достоевского с предсказаниями св. Киприана, писавшего в конце третьего века:

«Мир близится к концу. Это не старость, это признак надвигающейся смерти... Человек старится и умирает. Так же и мир должен умереть. Все знаки свидетельствуют о том, что земля близится ко времени своего распада... Жизнь не кончается старостью, она начинается усталостью» [10. С. 229].

Другой отец церкви, Лактанций, предлагает еще более точное выражение их мыслей:

«Мир подходит к концу. Зло царит в мире. И придут времена ужаса. И не будет таких, кому мила жизнь. Города будут разрушены до самого основания, огнем и мечом, землетрясениями, наводнениями... Земля не даст плодов своих человеку...» [11. С. 128—131].

Сравнивая пророчество Ф.М. Достоевского с предсказаниями отцов церкви, Максимилиан Волошин замечает и подчеркивает одну существенную разницу между их утверждениями: Лактанций говорит о моральном падении мира, св. Киприан — о его старости, с ужасом отмечая, что лучи солнца бледнеют и размеры луны уменьшаются, однако оба они остаются в пределах материального мироощущения. Напротив, в предсказании Ф.М. Достоевского Волошин чув-

ствует приближение катастрофы иного рода: психологического потрясения, которое все переносит из внешнего мира в душу человека.

Художник напоминает, что «обезьяна сошла с ума и стала человеком». Однако из этого положения он делает неожиданный вывод: «Следующий день начнется, когда человек сойдет с ума и станет Богом» [2].

Волошин уподобляет зарождение и успокоение революционных настроений биениям кармического сердца: эти биения «идут ритмическими скачками и представляют непрерывную пульсацию катастроф и мировых переворотов» [2].

Необходимость живой реакции на подобную «пульсацию катастроф и переворотов» Волошин подчеркивает и в другой статье, озаглавленной «Поэзия и революция»: «У поэта — один долг, — пишет Волошин, — стать голосом вещей и явлений глухонемых по природе своей» [1].

Как и у Достоевского, у Волошина сквозь повсеместный хаос (и прежде всего — хаос нравственный), а также связанное с ним предчувствие Апокалипсиса пробивается тяга к чистоте, к душевному здоровью. И все же в прогнозах двух авторов видна принципиальная разница. В отличие от предсказания Достоевского, согласно которому даже тяга к цельности неспособна спасти тех, кто находится во власти бесов, до момента их искреннего раскаяния (а это бессрочно откладывает воплощение пророчества о Новом Иерусалиме), прогноз Волошина более позитивен: время в лирике Волошина — циклично, Апокалипсис завершает старый миропорядок, предвещая новый. В его поэтической системе Апокалипсис ведет лишь к духовному перерождению. У Достоевского же падение человечества и утрата веры в Бога приводят к полной безнравственности и духовному вырождению («Если бога нет — все позволено»), что ведет к страданию как к пути духовного очищения. Это говорит и Кириллов, и Дмитрий, и даже Иван Карамазов («Да ведь коль эта истина воссияет, так вас же первого сначала ограбят, а потом... упразднят» [цит. по 9. С. 143—144]). По Достоевскому, лишь страданием можно прийти к Граду Божьему.

Но вместе с тем, как и Ф.М. Достоевский, Максимилиан Волошин стремится к глубинному раскрытию апокалиптической мысли вместо прямого провозглашения Страшного суда. Ему интересна стоящая за русской усобицей идея, сама концепция жизни:

Сгорая — жги!
Замкнутый в гроб — живи!
Таким Мой мир приемлешь ты?
— Приемлю...[5. С. 67].

(«Левиафан», 1915.)

Волошин указывает на историческое воплощение тех преобразований в революционном самосознании, которые еще в конце XIX столетия предсказывал Ф.М. Достоевский. В частности, шигалевская концепция о безоговорочном деспотизме, к которому русская революция неизбежно придет в поисках безграничной свободы, получает не только отражение, но и прямое развитие в публицистике М.А. Волошина. «Социализм тщетно ищет точки опоры... во всеобщей забастовке и в неугасимой революции... — утверждает поэт. — Он неизбежной

логикой вещей будет приведен к тому, что станет искать... в диктатуре... Все очень широкие демократические движения... неизбежно ведут к цезаризму» [3. С. 84].

Тем самым Волошин подтверждает мысль, высказанную Достоевским в письме своему брату Михаилу: «Мне кажется, что мир наш — чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию. Мне кажется, мир принял значение отрицательное и из высокой, изящной духовности вышла сатира» [7. С. 11]. Подобное подтверждение мысли Ф.М. Достоевского о стремлении к освобождению, которое приводит к противоположному результату, автор находит в одном из программных стихотворений Волошина, озаглавленном «Китеж»:

Я сам — огонь. Мятаж в моей природе,
Но цепь и грань нужны ему.
Не в первый раз, мечтая о свободе,
Мы строим новую тюрьму [4. С. 135].

Такая метаморфоза кажется совершенно закономерной и Достоевскому, и Волошину. Оба дают одинаковую оценку попыткам построить новый мир без «цепи и грани». По мысли Ф.М. Достоевского, современные нигилисты хотят «устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью...» [8. С. 357]. Волошин подхватывает, однако творчески переосмысляет это пророчество, взяв за основу знакомые ему политические стремления революционеров: «Россия будет единой и останется монархической, несмотря на теперешнюю “социалистическую революцию”. Им [революционерам] ничто, по существу, не мешает ужиться вместе» [3. С. 84].

Это подтверждает мысль художника о том, что религиозно-революционное бесовство свойственно русскому народу испокон времен. Подобно мифологическим бесам, разрывающим душу и разум одержимого, бесы русской революции также дробят народное единство на множество осколков:

«Великая русская равнина — исконная страна бесноватости, — размышляет поэт. — Отсюда в древности шли в Грецию оргические культы и дионисические поступления; здесь с незапамятных времен бродит хмель безумия. Свойство бесов — дробление и множественность» [3. С. 82]. Как не вспомнить здесь «атрибут своеволия» нигилиста Кириллова из романа «Бесы» и связанные с ним попытки выстроить глубоко индивидуальную, прежде всего — эксклюзивную для самого теоретика нравственную систему. Дробление проникает в само революционное общество, уже не Святая Русь борется с Русью грешной, а бесы набрасываются на других бесов.

Неудивительно, что в 1917 году, в год наивысшего социального резонанса, Волошин вспоминает сон Раскольников из финала «Преступления и наказания». Все это время пророчество Достоевского ждало своего часа, ускользая от внимания поэта. Как отмечал сам Волошин, до 1917 года он не придавал значения этой странице и даже не замечал ее — ему даже «казалось, что ее никогда раньше не было и она только что выросла в этой книге... Очевидно, глаза наши до нынешних времен скользили по этим строкам, не видя их» [2].

Именно таким становится для М.А. Волошина будущее России. Грядущие годы видятся ему кровопролитными и тяжелыми — но за ними, по искреннему убеж-

дению поэта, должно последовать духовное воскрешение России и воздвижение метафорического «Града Божьего». К сожалению, увидеть своими глазами конец истязаниям своей родины Волошину было не суждено. Поэт умер в августе 1932 года, когда многим испытаниям русского народа только предстояло начаться.

© Мельников Е.С., 2017.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Волошин М.А.* Поэзия и революция // Камена. Журнал поэзии / под ред. Петра Краснова. Кн. 2. Харьков: Прометей, 1919. URL: http://dugward.ru/library/voloshin/voloshin_poeziya_i_revolutsiya.html дата обращения: 12.01.2017).
- [2] *Волошин М.А.* Лики творчества / под ред. В.А. Мануйлова, В.П. Купченко, А.В. Лаврова. Л.: Наука, 1988. URL: <http://krotov.info/history/19/1870/voloshin.html> (дата обращения: 10.01.2017).
- [3] *Волошин М.А.* Россия распятая: сборник статей и стихов / Состав. В.И. Цветков, вступит. ст. и коммент. Э.С. Менделевича. М.: Агентство «Пан», 1992.
- [4] *Волошин Максимилиан.* Звезда польнь. М.: Комсомольская правда, НексМедиа, 2013.
- [5] *Волошин Максимилиан.* Стихи о терроре. Харьков, Репринтное издание, 2012.
- [6] Воспоминания о Максимилиане Волошине / Сост. и комм. В.П. Купченко, З.Д. Давыдова. М.: Советский писатель, 1990.
- [7] *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15. СПб.: Наука, 1996.
- [8] *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9. СПб.: Наука, 1991.
- [9] *Достоевский.* Материалы и исследования. Т. 2. Ленинград: Наука, 1976.
- [10] *Киприан.* Творения. Ч. 2. Киев, 1891.
- [11] *Лактанций.* Творения. Ч. 2. СПб., 1848.
- [12] Русские поэты «Серебряного века»: Символисты (т. 1). Л.: ЛГУ, 1991.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 февраля 2017

Дата принятия к печати: 1 апреля 2017

Для цитирования:

Мельников Е.С. *Историософские мотивы в творчестве М.А. Волошина // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведения и журналистики. 2017. Т. 22. № 2. С. 228—236.*

Сведения об авторе:

Мельников Егор Сергеевич, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов.

Контактная информация: e-mail: literatura1@mail.ru

THE HISTORIOSOPHICAL ATTITUDES IN THE WORKS OF M.A. VOLOSHIN

E.S. Melnikov

People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article discusses the historiosophical attitudes of M.A. Voloshin on the future of Russia and on the fate of humanity as a whole. These attitudes were partially inspired by the historical period in which Maximilian Voloshin has lived. The World War I, the terrorism, the Bolshevik Revolution — all of these themes were reflected in the poetry and journalistic creations of the author. The fact that in these years Voloshin was increasingly drawn to the works of Fyodor Dostoyevsky — another thinker who considered the question about the sad future of Russia in the period of revolutions and wars — is no less important. The point of intersection between historiosophical attitudes of both thinkers also receive detailed consideration in the text of the article.

Key words: Voloshin, Dostoevsky, poetry, ethics, journalism, Russian Revolution, historiosophy

REFERENCES

- [1] Voloshin M.A. *Poezia i revolutsia* [Poetry and revolution] // *Kamen* [A magazine of poetry / edited by Peter Krasnov. Vol. 2]. Kharkov, 1919. Available at: http://dugward.ru/library/voloshin/voloshin_poeziya_i_revoluciya.html (accessed: 12.01.2017).
- [2] Voloshin M.A. *Liki tvorchestva* [The faces of creation] / edited by V.A. Manuilov, V.P. Kupchenko, A.V. Lavrov. Leningrad: Nauka, 1988. Available at: <http://krotov.info/history/19/1870/voloshin.html> (accessed: 10.01.2017).
- [3] Voloshin M.A. *Rossiya raspiataya: sbornik statej i stihov* [Russia Crucified: a collection of articles and poems] / Composed by V.I. Tsvetkov, introduction, and comments by E.S. Mendelevich. M.: Agentstvo Pan, 1992.
- [4] Voloshin Maximilian. *Zvezda Polyn* [The Wormwood Star]. M.: Komsomolskaya Pravda, NexMedia, 2013.
- [5] Voloshin Maximilian. *Stihi o terrore* [The poetry about terror]. Kharkov, Reprint edition, 2012.
- [6] *Vospominaniya o Maximiliane Voloshine* [Memoirs of Maximilian Voloshin] / Composed by V.P. Kupchenko, Z.D. Davydova. M.: Sovetskii pisatel, 1990.
- [7] Dostoevsky F.M. *Sobranie sochinenij v 15 tomah* [Collected works in 15 volumes]. Vol. 15. SPb.: Nauka, 1996.
- [8] Dostoevsky F.M. *Sobranie sochinenij v 15 tomah* [Collected works in 15 volumes]. Vol. 9. SPb.: Nauka, 1991.
- [9] Dostoyevsky. *Materialy i issledovaniya* [Materials and research]. Vol. 2. Leningrad: Nauka, 1976.
- [10] Cyprian. *Tvoreniya* [Creations]. Part 2. Kiev, 1891.
- [11] Lactantius. *Tvoreniya* [Creations]. Part 2. SPb., 1848.
- [12] *Russkie poety «Serebriannogo veka»: simvolisty* [Russian poets of “Silver age”: the symbolists]. Vol. 1. Leningrad: LGU, 1991.

Article history:

Received: 2 February 2017

Revised: 5 March 2017

Accepted: 1 April 2017

For citation:

Melnikov E.S. (2017) The historiosophysical attitudes in the works of M.A. Voloshin. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22 (2), 228—236.

Bio Note:

Melnikov Egor Sergeevich, Phd student of the department of Russian and Foreign Literature, Philological faculty, RUDN University.

Contacts: e-mail: literatura1@mail.ru